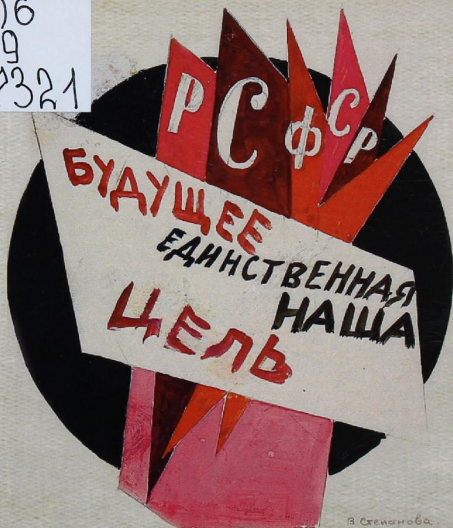

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

63.3(2)6
Ф-79
СА-397321

Я. Степанова

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА:
ИСТОРИЯ И НАСЛЕДИЕ

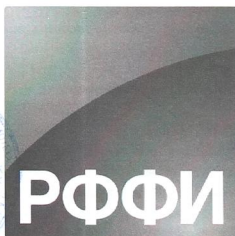

К 100-ЛЕТИЮ
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

О. В. Барашкова
А. В. Бузгалин
Л. А. Булавка-Бузгалина
А. И. Колганов

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Под редакцией А. И. Колганова

Москва

2022
Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

00-394327

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Исследования институтов модернизации СССР: нерешенные проблемы	5
Часть 1. ПРОТИВОРЕЧИЯ РОЖДЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И УХОДА СССР: УРОКИ ДЛЯ БУДУЩЕГО	14
Глава 1. Природа и причины ухода СССР: к систематизации основных подходов	16
Глава 2. Путь в «царство свободы» или красная линия истории: методолого-теоретическая интерпретация	29
Глава 3. Противоречия НЭПа: начало адекватной для XX века модели генезиса социализма в стране «полупериферии»	39
Глава 4. СССР: гипотеза мутантного социализма	46
Глава 5. Социальные силы развития и гибели СССР: творцы будущего, «красная» бюрократия и мешанство	51
Глава 6. Непосредственная причина ухода СССР	56
Глава 7. Регресс красной линии и причины дезинтеграции Союза	59
P.S. Уроки СССР для современной России	67
Часть 2. РАЗВИТИЕ ПЛАНОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	72
Введение	72
Глава 8. Методы планового регулирования в годы НЭП	73
Глава 9. Плановое регулирование экономики и формирование социалистических общественных отношений	77
Глава 10. Плановое регулирование и «советский монополизм»	81
Глава 11. Роль трудящихся в плановом регулировании производства	86
Глава 12. Границы планового централизма и рыночной конъюнктуры	91
Глава 13. Роль планового регулирования смешанной экономики в технологической модернизации производства	94
Глава 14. Корни бюрократизма в плановом регулировании советской экономики	105
Глава 15. Борьба бюрократической и демократической тенденций в экономических отношениях в посленэповский период	111
Глава 16. Уроки планового регулирования производства для современной экономики РФ	124
Заключение	139

Часть 3. СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО В СССР В 20-Е ГОДЫ И ЕГО РОЛЬ В КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	148
Глава 17. Социальное творчество как конкретно-всеобщее отношение.	148
17.1. Разотуждение как суть социального творчества	148
17.2. Субъект социального творчества — массы?	151
17.3. Управление государством как творчество	153
Глава 18. Социальное творчество и культура: диалектика взаимосвязи.	156
18.1. Созидание нового мира: главное противоречие.	156
18.2. Социальное творчество как предпосылка включения в культуру	158
18.3. Хроники социального творчества.	160
Глава 19. Созидание нового мира: проблема культурного наследия	161
19.1. Открытие культуры	161
19.2. Созидание нового общества: что брать из культурного наследия	164
19.3. Социальные преобразования и вандализм	166
Глава 20. Социальные преобразования в сфере культуры	168
20.1. Культурная политика 1920-х гг.	168
20.2. Культурная революция в сфере образования	171
20.3. Преобразования в сфере науки	174
20.4. Культурная революция: общественный резонанс Запада.	176
Глава 21. Культурная жизнь 1920-х гг.	178
21.1. Культурное творчество революционных масс	178
21.2. Рабочие клубы 1920-х гг.	181
21.2.1. Задачи рабочих клубов	181
21.2.2. Рабочие клубы: идейная навигация	184
21.2.3. Организационные принципы	184
21.2.4. Рабочие клубы: формы деятельности	185
21.2.5. Проблемы рабочих клубов	191
Глава 22. Рабочие клубы: идейная борьба	194
22.1. С чем боролись рабочие клубы	194
22.2. Борьба с мещанством	196
Глава 23. Социальное творчество как пространство развития индивида	200
23.1. Социальное творчество как сфера развития личности	200
23.2. Интернационализм социального творчества	201
23.3. Противоречия социального творчества.	203
Резюме	205
База научных источников по гранту № 21-010-43007 «Формирование институтов социально-экономической модернизации СССР: уроки для России»	214

ВВЕДЕНИЕ.

ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследование проблем социально-экономических институтов модернизации имеет уже весьма давнюю историю. Этой проблеме посвящена обширная совокупность научных исследований, включая полемику между представителями различных направлений. Для целей нашей работы важно отметить, что первоначально, выработанные в 50–60-е годы XX века концепции модернизации опирались либо на представления о том, что модернизация более отсталых обществ опирается на индустриализацию [Tipps, 1973; Haferkamp, Smelser, 1992], либо на более узкие представления о том, что модернизация заключается в копировании западного пути развития путем формирования капиталистической общественной системы [Eisenstadt, 1966; Black, 1966; Huntington, 1971].

Практическая несостоятельность такого подхода обнаружилась достаточно быстро, и уже начиная с 1970-х годов он подвергался разносторонней критике, в том числе со стороны представителей «мир-системного подхода» [Wallerstein, 1979] и сторонников концепции «зависимого периферийного развития» [Frank, 1978].

Однако, несмотря на эту вполне справедливую критику, и на выдвижение представлений об иных путях модернизации, сколько-нибудь полной и целостной альтернативной концепции содержания самого понятия «модернизации» выдвинуто не было. За одним исключением — ряд представителей левого теоретического спектра в общественных науках рассматривал модернизацию под углом зрения перехода к социализму.

Несколько иные подходы к модернизации сложились у историков, занимавшихся проблематикой Советского периода. Первоначально, в условиях господства подхода к истории СССР как периоду тоталитаризма, понятие модернизации к развитию СССР почти не применялось (этот факт подчеркивает Дэвид Лейн [Lane, 2006]).

Когда «тоталитарный» подход был подвергнут в 60–70-е годы XX века критике со стороны так называемой «ревизионистской» школы, положение изменилось. Хотя развитие СССР явно не укладывалось в концепцию модернизации как создания капиталистической системы, историки нередко стали рассматривать «большевистский эксперимент»

именно как попытку модернизации. Такой подход предлагался, в частности, в работе [Inkeles, 1976].

После появления концепции догоняющей модернизации (на основе изучения опыта ряда «новых индустриальных стран» Юго-Восточной Азии и Латинской Америки) и советскую модернизацию стали рассматривать как разновидность догоняющей модернизации или догоняющего развития (*catching-up development*). В качестве уступки господствовавшему теоретическому дискурсу модернизацию в СССР нередко рассматривали как особую, или «неадекватную». Отсюда, например, проистекает характеристика модернизации в СССР как «консервативной модернизации» [Brus, Laski, 1976].

Хотя некоторые основания для применения эпитета «консервативная» к советской модернизации имеются, фактически консервативным называлось в советской модернизации все то, что не укладывалось в рамки идеализированной конструкции либерального капитализма.

Советская историческая наука и советское обществоведение вообще не рассматривали историю СССР под углом зрения какой-либо концепции модернизации, хотя сам термин изредка применялся по отношению к некоторым конкретным аспектам развития советского общества — например, могли говорить о технологической модернизации. Тем не менее, именно историки, социологи и экономисты советского периода накопили самый обширный материал, освещавший не только фактическую сторону происходивших процессов, но и ставший основой интересных теоретических обобщений. Этот материал можно разделить на несколько больших групп.

Во-первых, это исследования общеисторического характера. Во-вторых, это монографические исследования, посвященные различным аспектам экономического, социального и культурного развития указанного периода. Особую большую группу составляют исследования по аграрной проблематике. В-третьих, имеется обширный корпус научных статей на эти темы. Значительную ценность представляют собой (не только с фактической стороны, но и с точки зрения теоретических оценок) публикации 1920-х и 1930-х годов. Авторами многих из них были видные партийные, государственные, хозяйственные и научные деятели той эпохи (Ленин, Сталин, Троцкий, Бухарин, Дзержинский, Куйбышев, Орджоникидзе, Сырцов, Кондратьев, Чаянов, Крицман, Струмилин и мн. др.).

Ввиду огромного числа публикаций во всех указанных выше группах, перечислить хотя бы важнейшие из них здесь не представляется возможным.

Наконец, немалое значение имеют публикации различного рода официальных документов и статистических материалов.

Немалый вклад в освещение фактической стороны процессов, проходивших в ходе советской модернизации, внесли и зарубежные представители общественных наук, дополнявшие своим критическим подходом исследования советского периода, ограниченные цензурными и идеологическими рамками. После того как эти рамки были в основном устранены, российские исследователи существенно дополнили фактическую базу исследований, и предложили весьма пеструю палитру теоретических оценок процессов, протекавших в этот период.

Идея развития СССР как модернизации получила распространение в российской науке постперестроечного периода на основе заимствования как тех подходов, которые господствовали в западной науке, так и позиций критиков этих подходов. Например, была заимствована концепция «консервативной модернизации» и ее методология, опиравшаяся на идеализацию модели либерального капитализма [Вишневский, 2010].

Также вслед за западными научными источниками российские исследователи сосредоточили свое внимание в основном на двух вопросах в оценке советской модернизации — мере и причинах ее успешности или неуспешности, и той социальной и человеческой цене, которой она была оплачена [Ханин, Фомин, 2015; Дроздов, Погребинская, Золотарева, 2018; Аузан, 2007; Красильщиков, 1998].

Если весь «советский эксперимент» в целом рассматривался как попытка модернизации, то в более узком смысле под модернизацией, как в западной, так и в отечественной литературе понимаются преобразования периода предвоенных пятилеток. Иногда вопросы модернизации распространяются и на послевоенный период. Но практически ни в одной работе период новой экономической политики как период модернизации не рассматривается. Впрочем, есть единичные исключения [Карнаш, 2017], но и там речь идет лишь о постановке вопроса о том, что НЭП также должен включаться в понятие модернизации. Никакого исследования НЭП под этим углом зрения обнаружить не удалось.

При таком подходе модернизация 1930-х годов рассматривается как радикальный разрыв с нэповским периодом. Между тем, невозможно игнорировать ни тот факт, что многие фундаментальные устои советского общества сложились до начала первых пятилеток и не были поколеблены с их началом, ни тот факт, что многие социально-экономические институты, обеспечившие модернизацию 1930-х годов, начали форми-

Александр Владимирович Бузгалин

Часть 1

ПРОТИВОРЕЧИЯ РОЖДЕНИЯ, РАЗВИТИЯ И УХОДА СССР: УРОКИ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Тема рождения и ухода с исторической арены СССР вот уже три десятилетия не оставляет равнодушными самый широкий круг исследователей и это не случайно. И в XXI веке наша страна не может полностью отказаться от советского наследия и не должна от него отказываться: при всех противоречиях, Советский Союз стал той качественно новой общественной системой, которая смогла за несколько десятилетий перед Великой Отечественной Войной и после нее обеспечить не просто модернизацию — качественный, во многих сферах (наука, образование, культура, энтузиазм и коллективизм как новый тип межличностных отношений) опережающий скачок — скачок в будущее. В то же время практики СССР обнажили глубокие противоречия того, первого опыта продвижения в направлении качественно новой по сравнению с капиталистической, общественной системы.

Историки и социальные философы, экономисты и политологи ведут дискуссии о причинах едва ли крупнейшего в новейшей истории социального события — появления и развития на протяжении 70 лет с распространением на треть земного шара и проникновением вглубь социальной ткани качественно новых отношений — ростков «царства свободы» [Энгельс, 1961; Маркс, 1962: 386–387], коммунизма. Автор много лет работает над проблемами противоречий СССР [Бузгалин, 1992; Бузгалин, Колганов, 2018; Воейков, 1998a, 1998b, 2001; Эпштейн, 2016b]. Серии публикаций посвятил этой теме журнал «Альтернативы» [Грецкий, 1994; Воейков, 1996, 2002, 2006; Славин, 1998, 2002, 2019; Абрамсон, 2001; Нивалс, 2013; Дзарасов, 2015; Эпштейн, 2016a; Булавка-Бузгалина, 2016a, 2016b; Попов, Бузгалин, 2019; Смолин, 2021; Но-

виков, 2021; Котц, 2021; Матсас, 2021], главным редактором которого автор является более четверти века. Еще больше на эту тему написано в нашей стране и за рубежом в других изданиях как социалистического спектра, так и тех, кто негативно оценивает практики СССР.

Многое уже сказано. И поэтому в данном тексте мы в меру сил аргументируем только три основных тезиса.

Первый. Причины рождения и ухода с исторической арены СССР и большинства стран Мировой социалистической системы (МСС) имеют одно и то же основание.

Мировые практики движения к качественно новому обществу начались в условиях наличия в мире минимально-необходимых предпосылок для его рождения и в социальном пространстве-времени наибольшего обострения противоречий этого мира (в Российской империи), а не там, где уровень развития этих предпосылок был на тот момент (начало XX века) максимален. Отсюда неизбежность слабости и мутаций вновь рожденного общества и высокая вероятность его гибели.

Второй тезис. В таких условиях и в силу названных обстоятельств победы и поражения социалистической линии в истории XX века вообще и в СССР, в частности, в определяющей степени зависели от соотношения внутренних факторов — социально-творческих сил, строивших и развивавших социализм и сил, консервировавших и интенсифицировавших прошлое, отношения социального отчуждения. Внешний фактор в данном тексте мы лишь упомянем.

Третий тезис. Распад СССР и образование на этом пространстве новых государств, т.е. то, что в настоящее время часто оценивается как геополитическая катастрофа, является следствием более глубоких противоречий, имеющих не геополитический, а социально-экономический или даже политико-экономический характер. СССР как единое государство развивался в XX веке не как империя, а как союз народов. Как таковой он мог развиваться только в той мере, в какой в нашей стране существовали и развивались социалистические общественные отношения и институты. Сохранение пространственной целостности страны было возможно только путем глубокого реформирования и усиления социалистических начал. Включение в неолиберальную глобальную капиталистическую систему могло идти только при условии геополитической дезинтеграции страны, а именно на такое включение была ориентирована (в силу и объективных, и субъективных причин) «элита» (о ее социально-классовой сущности — ниже), сосредотачивавшая в 1980-х гг. в своих руках основные каналы экономико-политической и идеологической власти.

В данном тексте хотелось бы, однако, остановиться не столько на проблеме дезинтеграции СССР (хотя эта — геополитэкономическая — постановка вопроса будет затронута в тексте), сколько проблеме генезиса, природы и завершения в Советском Союзе и большинстве стран Мировой социалистической системы (МСС) практик, которые получили имя «реальный социализм».

Глава I

Природа и причины ухода СССР: к систематизации основных подходов

Прежде чем перейти к предмету нашего исследования, укажем на теоретические основания данного текста и кратко охарактеризуем пространство исследований заявленной проблемы нашими предшественниками — и коллегами, и оппонентами.

В своем исследовании мы будем опираться на методологию и теорию современного марксизма и, в частности, постсоветской школы критического марксизма. Что же касается степени разработки проблемы другими направлениями, то мы предлагаем читателю лишь авторскую систематизацию позиций и укажем некоторые ключевые имена, представляющие основные из групп взглядов на проблему природы СССР и причин его ухода. Эта ограниченность обзора обусловлена тем, что сколько-нибудь полный перечень всех подлежащих систематизации работ занял бы объем книги, причем немалого формата.

Критерием для выделения основных групп взглядов будет ответ на ключевой вопрос социальной истории — о признании/отрицании общественного прогресса и, в частности, возможности и пути перехода к социализму. Следствием ответа на этот вопрос и становится характеристика места СССР в этом измерении с поправкой на меру догматизации либеральных, марксистских или иных теорий.

Одним из парадоксов этой систематизации станет то, что авторы крайних взглядов («СССР — это империя зла» и «СССР — это передовое социалистическое общество») методологически окажутся близки друг к другу. Используя образ одного из наших учителей, — профессора Николая Цаголова — мы можем сказать, что сторонники эти двух противоположных взглядов сталкиваются в одной точке, но пятысь друг к другу

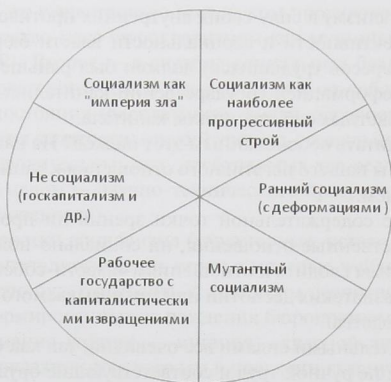

Рис. Спектр основных позиций по вопросу о природе СССР

спинами. В пространстве между ними располагается широкий спектр иных взглядов, основные из которых отражены на рисунке.

Крайне правая позиция, в основе методологии которой — тезис о либерально-капиталистической системе как высшей, единственно эффективной и демократичной и потому последней ступени исторического развития. Наиболее заверченный вид эта позиция приобрела в не самой глубокой, но в свое время крайне популярной книге Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» [Fukuyama, 1989, 1992]. Исходя из этой методологии, СССР и МСС — случайность исторической эволюции, некий зигзаг истории, причины появления которого сугубо субъективны (в качестве таковых рассматриваются особые личностные черты Владимира Ульянова, происки спецслужб, масонские заговоры и т.п., причем все это — в академических научных работах). Согласно взглядам этой группы авторов, уход СССР с исторической арены был всего лишь вопросом времени, ибо эта система возникла и существовала случайно, будучи в принципе, от рождения нежизнеспособной, тупиковой [Хайек, 2005].

Промежуточное положение занимают авторы, рассматривающие СССР как некоторое противоречивое явление, закономерно порожденное противоречиями капитализма XX века, но не являющееся социалистическим. Это может быть квалификация социального строя СССР как разновидности азиатского или политарного способа производства [Семенов, 2019]. С точки зрения последних политарный строй (или государ-

Колганов Андрей Иванович

Часть 2

РАЗВИТИЕ ПЛАНОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение

Плановое регулирование экономики в период новой экономической политики является крайне интересным объектом для изучения с точки зрения актуальных задач модернизации российской экономики. Эта актуальность определяется тем, что, во-первых, это был первый в мире опыт планового регулирования смешанной экономики. Он знаменовал собой значительный шаг вперед по сравнению с методами рационарования производства периода «военного коммунизма», во многом оттачивавшимися от опыта военной экономики кайзеровской Германии. Во-вторых, плановое регулирование периода НЭП не только обеспечило быстрое восстановление экономики СССР, но и позволило сделать первые шаги в модернизации советской промышленности, создав необходимые предпосылки для индустриального рывка периода первых пятилеток.

Разумеется, изучение этого опыта требует учета социально-экономической специфики НЭП, нацеленной на продвижение к социализму. Постольку анализ планового регулирования в годы НЭП неизбежно связан с исследованием его связи с вопросами строительства социализма, и с исследованием не только нэповской, но и посленэповской эволюции процесса движения к социализму.

Несмотря на значительные отличия экономической системы СССР периода НЭП, и современной экономики Российской Федерации, за-

дачи технологической модернизации и структурной перестройки экономики стояли и тогда, и сейчас. Методы планового регулирования смешанной экономики в годы НЭП, с необходимой поправкой на указанную специфику, и на значительное развитие всех сторон экономики за прошедшее время, могут послужить определенным ориентиром для разработки стратегии регулирования, нацеленной на осуществление реиндустриализации России на новейшей технологической основе.

Глава 8

Методы планового регулирования в годы НЭП

Новая экономическая политика (НЭП), предполагая отказ от чрезвычайных методов хозяйствования эпохи «военного коммунизма», вызванных гражданской войной (и от необоснованных расчетов на то, что эти чрезвычайные меры есть прямой путь к социалистическому хозяйству), означала возврат в значительной мере не только к рыночным, но и к капиталистическим формам хозяйства. При этом стоит помнить о том, что и докапиталистические формы хозяйства в тогдашней Советской России никуда не исчезли.

Тем не менее, НЭП отнюдь не предполагала, что теперь все хозяйственные формы будут сведены в основном лишь к рыночным и капиталистическим. Одной из существенных черт НЭП было формирование экономических отношений на основе единого хозяйственного плана, что представляло собой шаг вперед по сравнению с «военным коммунизмом», который так и не обеспечил руководство экономикой при помощи такого плана. Как отмечал Лев Натанович Крицман «...не было самого плана, т. е. расписания того, кто (т.е. какой орган), что и в каком размере должен производить. Не существовало и органа для выработки и осуществления народно-хозяйственного плана: не существовало потому, что не было и соответствующей функции. Разумеется, у каждого советского хозяйственного органа был свой хозяйственный план; но свой хозяйственный план имеет и каждое капиталистическое предприятие, и даже каждое ремесленное. Наличие множества независимых друг от друга хозяйственных планов как раз и означало отсутствие единого народно-хозяйственного плана, т.е. отсутствие планомерности» [Крицман, 1926, с. 119].

Людмила Алексеевна Булавка-Бузгалина

Часть 3

СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО В СССР В 20-Е ГОДЫ И ЕГО РОЛЬ В КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава 17

Социальное творчество как конкретно-всеобщее отношение

17.1. Разотчуждение как суть социального творчества

Революционные преобразования 1920-х гг. задали ту логику общественного развития, которая была связана с освобождением действительных отношений от всех форм отчуждения, причем не только тех, что достались в наследство от монархической России, но и тех, что появились в рамках уже новой — советской действительности. Масштаб исторического размаха заявленных большевиками перемен удивлял даже их оппонентов. Вот что, например, писал об этом философ и писатель Ф. А. Степун: «...*всем существом отрицая большевиков и их кровавое дело, ...я все же непосредственно чувствовал размах большевизма... Я все же продолжал ощущать октябрьскую революцию как характернейшую национальную тему*» [Степун, 2000, с. 204].

Низовой энтузиазм по поводу этих социальных преобразований, возникший в тот период, не был результатом большевистской пропаганды, он возникал как единственно возможный способ решения самых насущных проблем, коих в период НЭПа, т. е. после Гражданской войны, было немало.

Концептуальная заслуга большевиков как раз и состояла в том, что они сумели связать идею созидания *Нового мира* с императивом высвобождения действительных общественных отношений от власти господствующих форм отчуждения, а ведь именно в этом и лежал ключ качественных общественных перемен.

Но преодоление господствующих форм отчуждения нельзя понимать как их отрицание. В 1920-е гг. оно оказалось возможным главным образом через социальное творчество. Согласно теоретическим разработкам А. Бузгалина, сущность социального творчества есть созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т. д.) и поэтому несущих в себе альтернативу этому феномену¹.

Их действительное *снятие* возможно лишь через деятельностное созидание предпосылок для возникновения качественно новых общественных отношений, свободных от властвующих над человеком внешних сил отчуждения (власти капитала, рынка, бюрократии, государства и т. п.).

Но эти новые отношения не могут возникнуть как результат социального, научного или художественного конструирования. Возникнуть они могут только на основе того вида деятельности, которая несет в себе логику высвобождения реальных отношений от власти тех или иных форм отчуждения. И суть этого вида деятельности есть то, что в русском словаре именуется словом «почин».

В. И. Ленин так оценил значение социально-трудового почина в форме коммунистических субботников: *«Коммунистические субботники явились выражением трудового энтузиазма, великим творческим почином масс, освобожденных от оков капитализма. Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности. Это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину»* [Ленин, 1963с, с. 5].

На основе именно низового почина как раз и начал развиваться тот вид деятельности, который был связан — и здесь повторим еще раз — с высвобождением общественных отношений от тех или иных форм от-

¹ Понятие «социальное творчество» фундаментально разрабатывалось главным образом в работах А. В. Бузгалина. [Бузгалин, Колганов, 2004].

так и самого производства и указать способы их устранения и общими силами найти путь к улучшению, удешевлению и расширению производства» [Дзержинский, 1977, с. 24].

Итак, социальное творчество становится первым видом творчества, связанного с созиданием нового типа государства — пролетарского. Иначе говоря, включение революционных масс в управление государством можно считать первой составляющей социального творчества.

Глава 18

Социальное творчество и культура: диалектика взаимосвязи

18.1. Созидание нового мира: главное противоречие

Вторая важная составляющая социального творчества — это его взаимосвязь с понятием «культура». Значение этого понятия, прежде всего, связано с тем противоречием, которое становилось препятствием на пути созидания социализма. Суть этого противоречия состояла в том, что, завоевав политическую власть в октябре 1917 года, пролетариату для созидания нового общества потребовался высокий уровень культуры, от которой он в условиях Российской монархии всегда был отчужден. И потому революционные массы творили новые общественные отношения противоречиво и зачастую примитивно, ибо не хватало не только культуры, но и элементарного уровня образования (в царской России около 70% населения было безграмотным).

Действительно, положение с состоянием образования и культуры широких масс в России было настолько проблематичным, что Ленин отмечал: *«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России... Этому отуплению народа помещичьей властью соответствует безграмотность в России. ...в России грамотных всего 21% населения, а за вычетом (из населения) детей дошкольного возраста, т. е. детей до 9 лет, всего 27%»* [Ленин, 1961, с. 127].

Казалось бы, уже сам уровень образования революционных масс, который не отвечал требованиям даже европейского культурного минимума, исключал любую возможность социального творчества.

Именно это обстоятельство и вскрывало достаточно серьезное противоречие революционной России 1920-х гг.: созидание общества нового типа при таком низком уровне культуры просто невозможно. В тоже время повышение культурного уровня индивида невозможно вне созидательно-общественной практики.

Характерный для интеллигентских кругов ход суждений по поводу разрешения данного противоречия, как правило, выстраивался в известную цепочку, тянущуюся еще из народничества: сначала подъем культурного уровня — потом революция и социальные преобразования.

Сложность этого противоречия большевистские идеологи понимали очень хорошо. Это многократно подчеркивал и В. И. Ленин: *«При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма»* [Ленин, 1964, с. 168–169].

Однако большевики, в отличие от большинства интеллигенции, не испугались дать исторический «ход» известному противоречию между низким уровнем культуры и образования революционных масс и исторической необходимостью включения их в качестве главного субъекта творческого преобразования общественных отношений [Булавка-Бузгалина, 2013b].

Противоречие взаимосвязи социального творчества и культуры уже в самом себе имело потенциал его диалектического разрешения. И суть этого разрешения состояла в том, что непосредственное включение революционных масс в практику решения конкретных социально-экономических проблем, а это и есть содержание социальных преобразований, в конечном итоге становилось материальной предпосылкой формирования у них объективной потребности в культуре. И здесь следует подчеркнуть, что формирование этой потребности имеет огромное значение в деле решения вопроса, связанного с ростом культурного уровня революционных масс, ибо, как показала история, сделать культуру общедоступной для общества — это условие необходимое, но не достаточное. Наряду с этим у революционных масс как субъекта социального созидания должна возникнуть глубинная заинтересованность в культуре, т.е. такая заинтересованность, которая была бы завязана на его коренные, насущные интересы.

Как писал известный философ культуры, марксист Н. С. Злобин, культурная революция — это не столько проблема доступности продуктов духовного творчества, сколько и, прежде всего, проблема доступности самого духовного творчества [Злобин, 1996].

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**